

Проведений дискурс – аналіз тексту виступів Барака Обами дозволяє констатувати приналежність мовця до політичного дискурсу. Мовець досить очевидно демонструє інтенцію боротьби за владу, експлікуючи бажання спочатку заволодіти нею, а потім і втримати. Дана обставина (інтенція боротьби за владу) обумовлює наявність агональності, що структурує аналізований текст і, проявляється за допомогою обраного способу спілкування (здійснюваний мовцем вибір стратегій і тактик). Виходячи з вище зазначеного, ми можемо говорити про те, що мова кожного політичного діяча поєднує в собі усі три види стратегій прояву агональності. Перевага однієї з них відбувається на фоні інтенцій самого спікера, але незважаючи на це, усі вони відіграють безпосередню роль підсвідомого впливу на слухачів.

Список використаних джерел

1. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. (Избр. труды) / Н.И. Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.
2. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
3. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – М.: ИНИОН, 2000. – С. 7-25.
4. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. – М.: Российский гуманитарный университет, 1995. – С. 144-238.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1969. – 195 с.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
7. Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса / Е.И. Шейгал // Филология – Philologica. – №14. – Краснодар, Изд-во Кубанского гос. Ун-та, 1998. – С. 22-29.
8. Obama Barack A More Perfect Union. The Race Speech / Barack Obama. – Philadelphia: 2008. – 17 p.

Summary. The article deals with cognitive and semantic tactics and strategies of agon in the political discourse. Linguistic means of expressing agon have been taken into consideration as well.

Key words: political discourse, cognitive and semantic tactics and strategies, agon, intention, proposition, discourse as social interaction.

Отримано: 17.07.2012 р.

УДК 821. 161. 1.– 3.09

В. И. Мацапура

ПРИЁМ ОСТРАНЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГОГОЛЯ: ФУНКЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ

У статті розглядається специфіка прийому одивнення (термін В. Шкловського) у творчості Гоголя. Зокрема, автор аналізує функції дзеркального відображення в гоголівських пейзажах, функції українізмів, «одивнення» побутового життя за допомогою використання міфологічних персонажів, метаморфоз тощо. Аргументується думка про те, що одивнення – важлива складова поетики письменника, одна із стильових домінант його творчості.

Ключові слова: прийом одивнення, автор, текст, пейзаж, міфопоетичний образ, стиль, мова, деталь, прийом маски.

Мир гоголевских произведений поражает своей необычностью и странностью. Он населён странными героями, с которыми происходят странные происшествя и приключения. При этом «странности» характеризуют не только ранние произведения писателя, но и его шедевры позднего периода творчества, в частности, «Мертвые души». Как истинный романтик, он всегда проявлял интерес к явлениям исключительным, необычным, таинственным и искал соответствующие формы для их воплощения.

В. Б. Шкловский писал об «остранении» как о приёме затруднённой формы, увеличивающем трудность и долготу восприятия. Функция этого приёма заключается в том, чтобы вывести

«вещи из автоматизма восприятия», превратить их из привычных в странные, что и составляет, по мнению В. Шкловского, основной закон искусства [13, 15].

В современном литературоведении *остранение* рассматривается как один из универсальных приёмов построения художественного текста, как способ придать образу большую выразительность, включить его в силовое поле неожиданных ассоциаций. В одном из литературоведческих словарей указывается, что речь идёт о создании такой формы, которая передавала бы настроения и переживания автора и подталкивала реципиента к тому, чтобы он сам продолжил процесс её восприятия [7, 516]. В. Б. Шкловский разработал приём остранения в основном на примере творчества Л. Н. Толстого. Однако указанный приём играет существенную роль и в творчестве Гоголя. Специфика его использования, а также разные способы достижения эффекта остранения в произведениях писателя не изучены в полной мере и заслуживают отдельного рассмотрения.

Примеры остранения находим уже в первых литературных опытах Гоголя. Одной из форм остранения окружающей действительности является приём зеркального отражения. Например, в «Ганце Кюхельгартене» сельский пейзаж даётся в зеркальном отражении: «Пленительно оборотилось все // Вниз головой в серебряной воде» [3, 203]. Позже данный приём нашел художественное воплощение в пейзажных зарисовках в «Майской ночи» и «Страшной мести». В указанных текстах «водное зеркало» неподвижного пруда открывает дорогу в зазеркалье. Так, в «Майской ночи» Левко с изумлением глядел «в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был в нем чист и в каком-то ясном величии» [3, 75]. В повести «Страшная месть» с необычной точки зрения представлены широкие луга и зелёные леса: «Горы те – не горы: подошвы у них нет, внизу их, как и вверху, острая вершина, и под ними и над ними высокое небо» [3, 137]. В данном случае приём зеркального отражения замедляет процесс восприятия и нарушает его автоматизм. Ю. М. Лотман, рассматривая литературную мифологию отражений в зеркале и зазеркалье, писал о том, что она связана с архаическими представлениями о зеркале как окне в потусторонний мир [8, 157]. Пейзаж в «Майской ночи» с русалками, обитающими в пруду, яркий пример мифопоэзии, которая опирается на древнюю славянскую мифологию.

Страницы гоголевских произведений пестрят словами «дивный», «чудный», «странный». К излюбленным эпитетам Гоголя Андрей Белый относил эпитет «чудный», употребленный в двух смыслах: в прямом – как «дивный» и в переносном – как «чудной», «странный» [2, 223]. В гоголевских текстах встречается много примеров, которые подтверждают этот тезис: «Чудный город Миргород!», «Чуден Днепр при тихой погоде...» и т.д.

В пейзажных зарисовках «Вечеров» ощущается сознательное стремление автора представить мир украинской природы как дивный и странный. Так, в противовес кларизму и лаконичности описания «украинской ночи» в поэме Пушкина «Полтава» Гоголь даёт свое описание в «Вечерах», используя приём затрудненной формы. Вслед за заявлением рассказчика – «О, вы не знаете украинской ночи!» – следует призыв: «Всмотритесь в нее». Здесь налицо использование приёма «остранения-узнавания» с фиксацией внимания на небесном своде, «чудном воздухе», лесах, «полных мрака», «покойных прудах», девственных чащах черёмух и черешен. Автор пытается не просто представить картину «божественной, очаровательной ночи», но и вызвать соответствующее настроение в душе читателя: «А на душе и необъятно и чудно...». Описывая украинскую ночь, писатель нарушает автоматизм восприятия. Он обильно использует метафоры, риторические вопросы и восклицания, обращенные к читателю: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!» [3, 159]. Эти вопросы адресованы в первую очередь жителю северной столицы, для которого украинская ночь была явлением экзотическим. Ментальный пейзаж в описании украинской ночи является в то же время мифопоэтическим. Её блистательная красота и очарование имеют непосредственное отношение к таинственным, загадочным событиям, которые происходят с героем. Например, ему показалось, что он переселился в глубину пруда и увидел, как выглянула из окна «приветливая головка с блестящими очами».

Создавая мифопоэтический образ Украины в «Вечерах» и «Миргороде», Гоголь «остраняет» будничную жизнь. Это остранение находит разные формы выражения, к которым можно отнести использование просторечной лексики, одушевление предметного мира, обращение к образам славянской мифологии. Черти, ведьмы, русалки – важная составная художественного мира гоголевских «Вечеров». Мифологические образы и персонажи находятся в одном времени и пространстве с обычными, на первый взгляд, Левками, Галями, Вакулами, которые оказываются в необычных, а точнее – в странных ситуациях. С героями происходят удивительные метаморфозы (казак превращается в колдуна, мать кузнеца Вакулы – в ведьму, панночка – в русалку) и не менее удивительные приключения. В каждой из повестей есть свое чудо. Чудеса происходят не только с героями, но и с художественным пространством. Так, в «Страшной мести» «чуден» не только Днепр: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетьманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лима-

ном разливалось Черное море. <...> По левую руку видна была земля Галичская» [3, 165]. Деформации пространства в данном эпизоде можно рассматривать как пример остранения.

Остранение является важной особенностью стиля Гоголя, который поразил современников своей необычностью. Загадочный стиль писателя в каждом произведении имеет свои стилевые доминанты. В одном случае это фольклорно-мифологическая основа (как в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»); в другом – фантастика (как в «Петербургских повестях»).

Современники Гоголя (например, А. О. Смирнова-Россет) указывали на свойственное ему умение наблюдать, видеть то, что не привлекало внимания других. Сам Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» писал: «Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина» [4, 62]. Андрей Белый, заметил, что у Гоголя нет «нормального» зрения: «его глаз либо широко раскрытый, расширенный, либо прищуренный, суженный» [2, 80].

В русской литературе до Гоголя мало кто из писателей пытался объединить в одном произведении высокое, лирическое, возвышенное и низкое, бытовое. В некоторой степени это удавалось Державину, о котором Гоголь с восторгом писал в статье «В чем же наконец существо русской поэзии», пораженный «гиперболичностью» его языка, умением объединить высокое и низкое. Гоголевский стиль воспринимался современниками как необычный, поскольку объединял в себе разные тенденции – романтические, реалистические, барочные. В гоголевской прозе нашла отражение непостижимость мира, а в описаниях простых, казалось бы, вещей и явлений ощущается фантастическая призма видения, например, в описании Днепра, до середины которого долетит «редкая птица»; в образе птицы-тройки, которая является символом Руси и несётся не то по земле, не то над землей. Условность и гиперболичность – неотъемлемые составные гоголевского стиля, делающие его странным и необычным. Влиянием барокко обусловлена у Гоголя усложненность художественной формы, неотъемлемыми составными которой являются аллегория, контраст, гипербола. Очевидно, с барочной эстетикой связана дисгармония художественного мира Гоголя. Произведения писателя поражают яркой живописностью. Читая его красочные описания, вспоминаешь одну из центральных идей в эстетике барокко – идею синтеза искусств, в соответствии с которой поэзия рассматривалась как говорящая живопись.

Приём остранения нашел яркое выражение в языке гоголевских произведений, который показался современникам довольно странным. Он поражал богатством разговорной лексики и разговорных интонаций. Я. Е. Эльсберг, справедливо указывал, что стиль Гоголя насмешливо и пародийно воссоздавал черты бюрократической, канцелярской, светской, дворянской фразеологии. На фоне гармоничного стиля произведений Пушкина это была «поэзия беспорядка», поэзия контрастов и противоречий, нарушения логических норм [10, 399]. Исследователи неоднократно пытались определить особенности гоголевского стиля при помощи определенных логических формул. Так, С.Г.Бочаров, анализируя повесть Гоголя «Шинель», берет из текста данного произведения одно слово – «высканный» – и делает вывод о том, что таким и есть стиль писателя [10, 240]. «Высканный» означает непростой, удивительный, странный. Такого слова не было в языке Пушкина, его стиль характеризовался при помощи других определений – «изысканный», гармонический.

Ещё Аристотель писал о том, что поэтический язык должен иметь характер чужеземного, удивительного [1, 113-117]. В. Б. Шкловский рассматривает данное явление как признак художественности, который способствует выведению из автоматизма восприятия; при этом восприятие, как искусство задерживаться на предмете изображения, достигает максимальной силы и длительности» [13, 23]. Использование украинизмов в произведениях Гоголя выполняло ту же функцию, что и обращение к иностранной лексике в русской романтической литературе, то есть разрушало стереотипность восприятия. Писатель часто включает в тексты своих ранних произведений украинские слова, простонародные выражения, активизируя с их помощью читательское восприятие. Например, в повести «Ночь перед Рождеством» автор описывает «гадкого» черта в аду, нарисованного Вакулой на церковной стене, и реакцию на это изображение простых сельских баб, которые пугают им расплакавшегося ребенка: «*Он бачь, яка кака намалевана!*» [3, 135].

Приём остранения выражается в произведениях Гоголя не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне. Влияние барокко ощущается в построении гоголевской фразы, которая характеризуется барочной усложненностью, витиеватостью, орнаментальностью. Абрам Терц сравнивает гоголевскую фразу с дикорастущим лесом. Это «фраза, унизанная балконами и перилами придаточных и вводных отростков, удаляющихся то и дело от основного ствола, дробящаяся, глядящая на нас сквозь решетку неисследимых своих ручейков, завитков, подвесок, фиоритур, громоздкая и одухотворенная разом, непропорционально разросшаяся, сверкающая изломами и поворотами слога...» [11, 399]. Фраза Гоголя иногда напоминает архитектурный ансамбль необычной формы.

В исследовательской литературе уже отмечался тот факт, что ряды однородных членов очень часто объединяют в произведениях Гоголя «далековатые» предметы [6, 19]. Классическим примером подобного рода может служить «куча» Плюшкина.

Остранение встречается в произведениях Гоголя на всем протяжении его творческого пути. Наиболее часто данный приём наблюдаем в произведениях, фрагментах, связанных с мифологизацией действительности, примером чего могут служить гоголевские «Вечера» и «Петербургские повести». Однако в творчестве раннего и позднего Гоголя приём остранения имеет свои особенности. В «Вечерах» большую роль играет метафоризация, использование мотивированной фантастики, имеющей своего «носителя», наличие рассказчика, принадлежащего к народной среде и т.д. В «Петербургских повестях» на первый план выступают иные способы остранения.

Например, в описании Невского проспекта специфическую окраску приобретает приём «остранения-узнавания». «Всеобщая коммуникация Петербурга», окрашенная фантазмагорическим блеском, даётся в восприятии рассказчика, наивного провинциала, который сосредоточивает внимание не на исторических достопримечательностях «Невского проспекта», а на «батистовых воротничках», «усах чудных», на талиях, «какие даже вам не снились никогда», на дамских рукавах, которые «похожи на воздухоплавательные шары» и т.д. В данном, как и во многих других случаях, точка зрения рассказчика является «остраненной», поскольку он выражает мнение человека, принадлежащего к иной социальной и национальной среде. Писатель мастерски использует приём маски. По мнению В. Турбина, рассказчик выступает в роли «амплуа недоумевающего малороссиянина, простака, оказавшегося в изысканном и утонченном обществе, <...> и на каждом шагу обнаруживающего на его улицах странности и диковины» [12, 81].

Изображая завсегдатаев Невского проспекта, Гоголь обращается к приёму метонимии и синекдохи. Детали текста подчёркивают внутреннюю сущность тех, кто прогуливается по главной столичной магистрали. Каждый из прохожих, исполненный чувства тщеславия демонстрирует примечательную особенность своей внешности или своей одежды. «Один показывает щегольской сюртук <...>, другой – греческий прекрасный нос, третий несёт превосходные бакенбарды...» [5, с.10] На эти объекты тщеславия и честолюбия нацелен ироничный взгляд автора. Рассказчик акцентирует внимание на странности изображенных характеров: «Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений. Создатель! Какие странные характеры встречаются на Невском проспекте!». Рассказчик не перестает удивляться тому, как «дивно устроен свет наш! ... Как странно, как непостижимо играет нами судьба наша!» [5, 9, 196].

Одним из способов остранения действительности является ирония. Игра словом, игра с читателем наблюдается в описании ремесленников, имеющих громкие фамилии Шиллер и Гофман: «Перед ним сидел Шиллер, – не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны», но известный Шиллер, жестяных дел мастер... Возле Шиллера стоял Гофман, – не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера» [5, 189]. Странность, непостижимость мира подчёркиваются и в приключениях художника Пискарева, в жизни которого мечта заменяется сном.

Анализируя повесть «Нос», Ю.В.Манн подчёркивает, что она производит впечатление загадочности и «ошарашивающей странности». Отчасти это объясняется тем, что в ней «полностью снят носитель фантастики – персонифицированное воплощение ирреальной силы» [9, 82]. Невозможно логически объяснить, как нос попал в хлеб к цирюльнику Ивану Яковлевичу, каким образом он исчез с лица коллежского асессора Ковалева, как «произошло явление неизъяснимое» и нос героя повести предстал перед ним «в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротничком...».

По мнению М. Эпштейна, понятия «жуткое» и «странное» часто сближаются в творчестве Гоголя: «Старик-ростовщик, вылезавший из рамы портрета; старуха, которая оседлывает молодого бурсака и скачет на нём верхом; исполинский мертвец, который хочет подняться из-под земли и трясет и Карпаты, и Турцию... Жуткое несет в себе оттенок противоестественного или сверхъестественного, что связано с фантазией, галлюцинацией, возвращением образов, вытесненных в подсознание и претерпевших как бы двойную метаморфозу» [15].

Приём остранения проявляется наиболее ярко в тех произведениях, в которых большую роль играет мифологизация действительности. Этот приём находит разные способы выражения – композиционные, лексические, синтаксические, мифопоэтические и т.д. Богатая метафоричность, синонимия, гиперболизация способствуют остранению действительности в ранних произведениях Гоголя. В пьесе «Ревизор» странность ситуаций подчёркивается автором при помощи приёма маски, сцен онемения и окаменения.

«Гоголь умел писать о простом как о необычайном и ещё не замеченном», – указывал В. Б. Шкловский [14, 297]. Так, созданный писателем мир в поэме «Мертвые души» только на первый взгляд кажется максимально приближенным к действительности. Однако он населен героями, каждый из которых имеет свои странности. Эти странности проявляются не только в их

поступках, они подчёркиваются при помощи ярких художественных деталей и алогизмов. Одной из разновидностей остранения в поэме «Мертвые души» является соединение несоединимого. Например, в первой главе поэмы Чичиков, рассматривая вывески на столбе, видит странную надпись – «Иностранец Василий Федоров».

Проблема остранения требует дальнейшего осмысления. Однако даже выборочный анализ отдельных фрагментов гоголевского текста позволяет сделать вывод о том, что остранение – важная особенность поэтики Гоголя, которую можно отнести к стилевым доминантам творчества писателя.

Список использованных источников

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. / Пер. В. Г. Аппельрота, коммент. Ф. А. Петровского. – М. : Гослитиздат, 1957. – 183 с.
2. Белый Андрей. Мастерство Гоголя / Андрей Белый. – М. : МАЛП, 1996. – 351 с.
3. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. / Николай Васильевич Гоголь. – Т.1. Вечера на хуторе близ Диканьки / Коммент. А. Чичерина, Н. Степанова. – М. : Худож. лит., 1984. – 319 с.
4. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине / Николай Васильевич Гоголь. // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. / Николай Васильевич Гоголь. – Т.6. Статьи / Коммент. Ю. В. Манна. – М. : Худож. лит., 1986. – С.56-61.
5. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 3 Повести / Коммент. Г .М. Фридендера.– М. : Худож. лит., 1984. – 294 с.
6. Еремина Л. И. О языке художественной прозы Н. В. Гоголя (Искусство повествования) / Любовь Ивановна Еремина. – М. : Наука, 1987. – 176 с.
7. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів та ін. – К. : ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.
8. Лотман Ю. М. Текст в тексте / Юрий Михайлович Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Т.1. – Таллин : Александра, 1992. – С. 148-160.
9. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя [Изд. 2-е, доп.] / Юрий Владимирович Манн. – М. : Худож. лит., 1988. – 413 с.
10. Теория литературных стилей. Типология стилевого развития нового времени. – М. : Наука, 1978. – 503 с.
11. Терц Абрам (Андрей Синявский). В тени Гоголя / Абрам Терц (Андрей Донатович Синявский). // Абрам Терц, Собр. соч.: в 2 т. – Т.2. – М. : Старт, 1992.– С.3-336.
12. Турбин В. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров / Владимир Николаевич Турбин. – М. : Просвещение, 1978. – 239 с.
13. Шкловский В. О теории прозы / Виктор Борисович Шкловский. – М. : Сов. писатель, 1983. – 384 с.
14. Шкловский В. Гоголь / Виктор Борисович Шкловский // Шкловский В.Б. Избранное: в 2 т. – Т.1. Повести в прозе; Размышления и разборы. – М. : Худож. лит., 1983. – С.280-362.
15. Эпштейн М. Жуткое и странное / Михаил Наумович Эпштейн. О теоретической встрече З. Фрейда и В. Шкловского. – Режим доступа: http://www.russ.ru/krug/rasbor/2003_0314_er.html

Summary. The specific character of the literary device «defamiliarization» (the term by V. Shklovsky) in Gogol's creative work is considered in this article. In particular, the author analyses functions of the literary device «mirror reflexion» in Gogol's landscapes, functions of Ukrainicisms, the «defamiliarization» of prosy life with the help of mythological characters, metamorphosis and etc. It is also proved that «defamiliarization» is a very important peculiarity of the writer's poetics and one of stylistic dominants in his creation.

Key words: literary device «defamiliarization», author, text, landscape, mythopoetic image, pattern, language, detail, «mask» literary device.

Отримано: 15.08.2012 р.